

ISSN 0131-5706

**Научно-
публицистический
журнал**

4/2008

РЕГИОНАЛОГИЯ

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
 (главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
 (ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
 (заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

- 75 **А. С. Тихонов.** Основной вопрос философии в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»
- 79 **А. И. Пантюшин.** Права ли теория практики В. И. Ленина?

81 **А. И. Сухарев.** Философская мысль в регионе

* * *

82 **О. А. Ермолаева.** Современное общественное сознание России на государственном и региональном уровнях

87 **Н. Т. Арефьева.** Структура современной западной социокультурной футурологии

Политическое пространство региона и территориальное управление

97 **Л. А. Васильева.** Демократический политический консенсус и эффективный политический процесс — первая фаза перемен в российском обществе

104 **Н. И. Изергина.** Органическая демократия как вектор социально-политических изменений современной России

112 **З. А. Егорова.** Влияние трансформаций избирательной системы на формирование многопартийности в России: региональный аспект

122 **С. А. Щанкин, А. С. Борискин.** Основные направления инновационного развития региона

130 **С. Н. Растворцева.** Сущность социально-экономической эффективности развития региона

Экономика региона

136 **Е. Г. Анимица, В. А. Сухих, Н. В. Новикова.** Концептуальные установки, механизмы и методы регионального управления экономикой

145 **В. И. Маколов.** Инвестиционная политика региона: оценка состояния и новые задачи

Л. А. ВАСИЛЬЕВА

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС И ЭФФЕКТИВНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС — ПЕРВАЯ ФАЗА ПЕРЕМЕН В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Демократические трансформации и их перспективы были заданы хантингтоновской концепцией «третьей волны».

Но волны демократизации сопровождаются и откатами назад, в авторитаризм¹. Э. Фромм, а также М. В. Ильин, А. Ю. Мельвиль, Ю. Е. Федоров идут дальше, называя это явление «бегством от свободы»². В связи с этим, считает Г. Вайнштейн, ключевую роль в методологических схемах начинают играть понятия «transition» и «consolidation» («переход» и «консолидация»). Смысл первого — «переход к демократии», второго — «закрепление демократии, упрочение демократической системы». По сути дела, в первом случае речь идет о формировании институциональных основ демократической системы, обеспечивающих сменяемость политического руководства посредством демократических процедур, во втором — имеется в виду упрочение демократии как общественно-политической системы, предполагающее приобщение общества к ценностям демократии, ее осознание как наиболее совершенной формы политического устройства по сравнению со всеми другими его формами³.

Делая ссылку на понятия «transition» и «consolidation», З. Бжезинский отмечает, что посткоммунистические преобразования займут длительный период. Трансформационный процесс не является чем-то неразрывным и целостным, это последовательное прохождение ряда этапов, но не все страны проходят эти этапы с одинаковой скоростью⁴. З. Бжезинский утверждает, что один из важных уроков, который может

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна, профессор кафедры международного туризма Дальневосточного государственного университета, кандидат исторических наук (г. Владивосток).

быть извлечен из опыта первых лет посткоммунистических преобразований, состоит в том, что «политическая реформа первична как основа для эффективной экономической реформы»⁵. Более того, «демократический переход» — не только длительный и сложный процесс, но и не всегда приходящий к своему логическому завершению. Так, Х. Линц и А. Штепан вводят понятие «завершенный демократический переход»⁶.

Среди появившихся в последнее время концепций заслуживает внимания трактовка этапа «*утверждение демократии*». Демократический режим является утвердившимся тогда, когда все значимые политические группы общества согласны с тем, что его ключевые политические институты обеспечивают легитимные рамки политического соперничества и поддерживают демократические правила игры. Это определение включает в себя социально-психологические, поведенческие институциональные параметры, согласие всех политически значительных групп действовать в рамках установленных норм и правил.

Существует множество аналитических моделей перехода от недемократических режимов к демократическим. Одна из первых попыток была предпринята Д. Растоу, который выделил ряд предварительных условий такого перехода⁷. Однако произошедшие преобразования продемонстрировали неэффективность механического «переноса» анализа российской политики транзитологических схем, разработанных на материале других стран. Для России характерны исторические традиции, не совместимые с традиционным либерализмом и демократией.

В обозначенном контексте российский политический режим характеризуется как промежуточный, гибридный, демонстрирующий сочетание элементов авторитаризма и демократии, имеющий тенденцию к определенной устойчивости данного состояния. Несомненно, что формирование такого режима во многом объясняется историческими, политическими и социокультурными традициями России, спецификой стартовых условий. За последние десятилетия российский политический режим претерпел трансформацию промежуточных форм: от неконсолидированной к делегативной демократии с некоторыми элементами авторитарной ситуации.

Можно предположить, что очередная попытка политической модернизации в России привела страну к состоянию,

которое исследователи характеризуют как «*демократический транзит*». Согласно общепризнанной схеме «транзита», частично пройдена лишь первая фаза — либерализации и демократизации режима. Однако противоречие, которое придавало импульс политическим изменениям в России, состояло в том, что институциональный дизайн не был основан на либеральной социокультурной традиции. По этой причине, вопреки классической теории, первоначальная стадия транзита (либерализация и зарождение демократических институтов) предваряла распространение и утверждение в обществе демократических ценностей и ориентаций. Возникновение и развитие новых демократических институтов в современной России происходило не столько путем «прорастания» снизу в результате организованных систематических усилий общества и его борьбы за политические права, сколько за счет насаждения их «сверху» при активном участии наиболее динамичных слоев коммунистической и посткоммунистической элит⁸.

Черты политической жизни, присущие предшествующим системам, спонтанно воспроизводились в деятельности демократических структур. Разочарование в российской демократии привело к дискредитации в массовом сознании демократических символов, ценностей, институтов. Это в значительной мере ослабляло массовую базу демократического процесса. Массовое сознание отвергло или не воспринимает демократические ценности в качестве реального инструмента решения стоящих перед российским обществом задач. Успешный выход из кризиса и становление демократического общества требовали, чтобы появляющаяся частная собственность вписалась в структуру смешанной экономики переходного периода, не отбрасывая страну в эпоху раннего капитализма. Такой подход сформулирован Ю. А. Красиным⁹. Ставка на стихийно складывающиеся рыночные отношения, игнорирующие эти новейшие тенденции, могла дать и дала только «дикий рынок», который в наше время не в состоянии выполнять функцию несущей конструкции гражданского общества. Эту функцию может выполнять общество, отличающееся многомерностью, а в области экономики опирающееся на дифференцированную систему ассоциативных связей свободных производителей. Но рыночная экономика — это не предел человеческого прогресса.

Рождающаяся в ходе российской посткоммунистической трансформации новая политическая реальность несет в себе сложный сплав частично преодоленных и преобразованных традиций прошлого. Такой подход сформулирован А. Ю. Мельвилем¹⁰. В предложенной модели он обращает внимание на совокупность международных (геополитических, военно-стратегических, экономических, политических, культурно-идеологических и других факторов), четко проявившихся в начале 80-х гг. XX в. и стимулировавших реформаторские тенденции в СССР.

Уровень структурных социально-экономических показателей демонстрирует особенности демократических транзитов и определенную специфику. Движение к демократизации не было результатом высокого уровня экономического развития, а реформы периода перестройки явились попыткой выхода из тупика стагнирующей экономики, архаичной хозяйственной стратегии экстенсивного развития, кризиса в социальной сфере. В России не было каких-либо зачатков рыночной экономики, это осложняло и осложняет ход трансформационных процессов. С точки зрения задач политической демократизации переход к рыночной экономике — не самоцель, а средство для создания среднего класса в качестве массовой социальной базы демократии.

Анализ на уровне культурно-ценностных факторов показывает, что российский демократический транзит не был обусловлен массовым распространением ценностей и ориентаций, типичных для «гражданской культуры». Воспринимались лишь некоторые базовые элементы из системы демократических ценностей, хотя и обозначились тенденции к их закреплению. Дальнейшая демократизация общества способствовала продвижению к рынку, который создавал экономическую и социальную базу демократии. Стратеги успешных демократических транзитов, проводя последовательную политическую демократизацию, строили и закрепляли эффективные демократические институты, затем создавали систему социальных гарантий и посреднических институтов между государством и рынком. Последовательная политическая демократизация способствовала обеспечению массовой поддержки демократии в условиях тяжелых экономических реформ, так как создавалась социальная страховочная сетка, облегчавшая экономический переход.

Десятилетие посткоммунизма принесло политической науке полное разочарование. Критике подвергались теории, не сумевшие предсказать такой ход и убедительно описать его. Опыт первого десятилетия посткоммунизма не подтверждает основную часть господствующих в сфере анализа демократизации и демократии идей и парадигм. Прилагаются огромные усилия, чтобы спасти «пошатнувшиеся» парадигмы. С невероятной скоростью плодятся концепты, призванные приспособить их к российским реалиям: «прото- и квазидемократия», «остановленный транзит», «затянувшийся транзит», «гибридный режим». Категоричен в оценке этой ситуации Б. Г. Капустин, считающий «транзитологическую парадигму» воскрешением из мертвых теории модернизации, которая в свое время показала интеллектуальное банкротство¹¹.

Альтернативой транзитологической парадигмы он выдвигает *«определенным образом истолкованный постмодернизм с присущими ему темами фрагментации и «плюрализма без консенсуса», краха «метаповествований», «отсутствия будущего» и невозможности «делать историю», «смерти субъекта» (в особенности политического), превращения в симулякры таких ключевых понятий и принципов политической жизни Нового времени, как «представительство», «легитимность», «верховенство права», «воля и власть народа», как, впрочем, и самой «политической жизни» и ее организующего начала — «демократии»¹².*

По нашему мнению, теории западного модернизма не прижились на российской почве, у российской транзитологии нет движения вперед.

По мнению большинства исследователей, анализ ситуации в России происходит в рамках альтернативных и промежуточных форм политического развития при постоянном подчеркивании особого характера российской трансформации. Восемидесятые годы оставили в наследие девяностым медленные темпы и упущенные возможности рыжковско-горбачевских реформ. Полный провал реформ их создатель и вдохновитель Е. Т. Гайдар объясняет страхом и историческим опытом, довлевшим над номенклатурой¹³.

Россия вошла в социально-политический кризис, точкой отсчета которого стали реформы, проводившиеся командой Е. Т. Гайдара, А. Б. Чубайса. Он развивался и приобретал системный характер. Углублялись противоречия между сто-

ронниками и противниками проводимых в России реформ и в лагере оппозиции, между законодательной, исполнительной и судебной властью, между центром и регионами.

Национальной трагедией для страны и ее народа стала политика псевдореформ. «За период с 1992 по 1997 гг. произошло падение ВВП на 50 % (ныне он составляет 10 % американского), промышленной продукции — на 55 %, жизненного уровня населения — на 60 %, капиталовложений — на 50—60 %. На Запад беспрепятственно, без всякого противодействия со стороны властей перекачано 300 млрд. долларов в основном награбленного капитала»¹⁴. Страну из-за нищенской зарплаты и бедности покинуло около 200 тыс. ученых и специалистов. Произошла деградация науки, среднего и высшего образования, здравоохранения, культуры, вооруженных сил. Россия была откинута в разряд развивающихся стран. Кардинальные кадровые перестановки 1998 г. не решили проблему. Для того, чтобы остановить кризис, необходимо было проявить политическую волю.

Ко времени избрания В. В. Путина Президентом России ситуация в стране изменилась в силу ряда внутренних и внешних факторов. Революционный период ломки старой системы и приватизации государственной собственности в основном завершился. На этом этапе произошло беспрецедентное для мирного развития страны ухудшение всех социально-экономических показателей. На повестку дня встал вопрос о легитимации и сохранении полученной далеко не всегда законным и этически оправданным путем огромной частной собственности, защите ее от претендентов на новое перераспределение. В. В. Путин столкнулся с вечной проблемой российских «реформ сверху» в процессе так называемой догоняющей, запаздывающей, ускоренной модернизации, когда реформатор имеет дело со слабо структурированным и политически апатичным обществом (отсутствие гражданского общества) в ситуации системного кризиса страны. Эту проблему предшественники В. В. Путина, начиная с И. Грозного и Петра I, решали путем поиска опоры в «государевых людях» и проведения жесткой политики «закручивания гаек». Поэтому неудивительно, что агентом путинских преобразований стало выстраивание вертикали власти. Нынешний процесс постсоветских преобразований можно считать вполне закономерным явлением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Хантингтон С. Будущее демократического процесса: от экспансии к консолидации // МЭ и МО. 1995. № 6. С. 87—94.

² См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю., Федоров Е. Ю. Демократия и демократизация // Полис. 1996. № 5. С. 146—162.

³ Вайншейн Г. Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии // МО и МЭ. 1997. № 8. С. 144—154.

⁴ См.: Brzezinski Z. The Great Transformation // «The National Interest», № 33. Fall 1993. P. 3—13.

⁵ Там же.

⁶ См.: Juan J. Linz and Alfred Stepan. Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996.

⁷ См.: Растой Д. А. Демократизация — согласие — пакт // Полис. 1996. № 5. С. 5.

⁸ Пономарева О. Б. Специфика демократического транзита. К вопросу о некоторых особенностях переходного политического процесса: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 17—18;

⁹ Красин Ю. А. Долгий путь к демократии и гражданскому обществу // Полис. 1992. № 5/6. С. 97—104.

¹⁰ Мельвиль А. Ю. Демократический транзит в России — сущностная неопределенность процесса и его результатов. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного подхода к демократическим транзитам // Полис. 1998 № 2. С. 6—38; Демократические транзиты. М., 1999.

¹¹ Капустин Б. Г. Конец «транзитологии». О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 12—13.

¹² Он же. Посткоммунизм как современность. Российский вариант // Полис. 2001. № 5. С. 6.

¹³ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1998. С. 187—188.

¹⁴ Независимая газета. 1998. 10 июня.

Поступила 13.05.08.